

Майков Аполлон Николаевич

Два мира

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А76

А76 **Аполлон Николаевич М.**
Два мира / Майков Аполлон Николаевич – М.: Книга по Требованию, 2024. – 58 с.

ISBN 978-5-519-94658-2

ISBN 978-5-519-94658-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Нежданно, во мгновение ока....
 Какъ молнія: блеснетъ съ востока,
 И разомъ небо озаритъ
 До края запада....

Подбѣгаютъ десять рабовъ, несущіе золотыя носилки, и ставятъ ихъ передъ воротами. Какъ остановились, двое изъ нихъ упали безъ чувствъ. Остальные съ трудомъ переводятъ духъ. Изъ носилокъ вылѣзаетъ толстый дворецкій Деціевъ, Давусъ.

ДАВУСЪ (расправляя руку, держащую плеть).

Мерзавцы! Ломить вѣдь плечо!
 Сегодня умирать изволить
 Ихъ господинъ, а имъ еще
 Прибавить шагу трудно!...
 (смотреть на упавшихъ).

Пали,
 Собаки! слабосильны стали!
 (ударяя юношу плетью).

Ты что глазѣешь? Отворяй!
 (къ носильщикамъ, увидѣвъ, что они хотятъ
 поднять упавшихъ).

Да бросьте!... Мало ихъ!... Ступай
 Вы всѣ впередъ, бѣгомъ! стучите
 Въ большую доску—десять разъ;
 Потомъ чуть-чуть повремените—
 Опять ударить десять разъ!
 Еще чуть чуть повремените—
 Опять ударить десять разъ!
 Пиръ на весь Римъ!... Ну что стоите!

(рабы бѣгутъ; Давусъ имъ вслѣдъ:)

Чтобъ вылѣзали всѣ изъ норъ!
 Бѣжали бъ къ дѣлу всѣ, весь дворъ!
 Чтобъ всѣ одѣты, чисты были!...

Чего не позабылъ ли?... Ну—
 Не въ первый разъ! Римъ покормили
 Въ свой вѣкъ! и кесари хвалили!—
 Хоръ, танцы—этимъ я начну;
 Цвѣты ко всякимъ переменамъ,
 Бой гладіаторовъ—финалъ!

(оглядываясь на рабовъ:)

Лишь бы изъ нихъ кто не сплосалъ...
Да у меня—тотчасъ къ муренамъ!

Не знаю все—что мой народъ?...
Ужъ смиренны очень—терпѣливы—
Нѣтъ воровства совсѣмъ—идетъ
Все въ струнку... Только молчаливы,
И что-то шепчутся.... И къ нимъ
Все кто-то шмыгаетъ, къ собакамъ....
Охъ, на вулканѣ мы стоимъ!
Спартакѣмъ пахнетъ, да! Спартакѣмъ!
(уходитъ въ ворота.)

ЮНОША (затворивъ двери; къ упавшимъ:)

Ссы!... Азіатикъ! Буриной!
Не слышать....

(смотритъ, въ недоумѣнны, на старика).

(Женщина въ темной туникѣ, съ бѣлымъ покровомъ на головѣ, низко спускающимся на лицо, подходитъ, оглядываясь, и, увидя трупы, бросается къ нимъ.

ЖЕНЩИНА.

Это кто?... кровь льется....

(отходитъ назадъ, и на ея знаки является
нѣсколько человекъ; она имъ указываетъ
на тѣла):

Несите внизъ — туда — къ больнымъ....

ЮНОША.

Надорвались!... Не жить ужъ имъ!...
Жаль Буриной... вмѣстѣ взяли
И привели насъ...

СТАРИКЪ.

Отстрадали
Свой вѣкъ и къ Господу предстали,
И предъ Его теперь лицомъ....
Святую кротость ихъ помянетъ
Всевышній на судѣ своемъ!

ЮНОША.

И вотъ же, въ эту-жь ночь предстанетъ
И господинъ туда, и тамъ

Ихъ встрѣтитъ... Здѣсь—собой надменный,
Великій, недоступный намъ,
А тамъ—изъ огненной геенны
Смотрѣть онъ будетъ въ свѣтлый рай,
Къ своимъ рабамъ!..

СТАРИКЪ.

Не упреждай
Господень судъ!

ЖЕНЩИНА.

О господинъ
Ты что сказалъ?

ЮНОША.

А хочетъ нынѣ
Онъ умирать....

ЖЕНЩИНА.

Онъ боленъ?

ЮНОША.

Нѣтъ.

Сказалъ тутъ Давусъ — умираетъ
Сегодня....

ЖЕНЩИНА (про себя).

Боже! И его
Я не спасу!...

ЮНОША.

Весь Римъ сзываетъ
На пиръ. И Давусъ оттого
Въ такой тревогѣ.....

ЖЕНЩИНА (старикъ).

Отче! можетъ
Повѣрить онъ?

СТАРИКЪ.

Чего не можетъ
Господь? велитъ Онъ — и гора
Подвигнется....

ЖЕНЩИНА. (про себя)

Вѣдь онъ добра,
Онъ истины искалъ....

СТАРИКЪ.

Помилуй
Всѣхъ, Господи! всѣмъ даруй силу
Гордыни тяжесть превозмочь
И распознать, гдѣ день, гдѣ ночь!

ЖЕНЩИНА.

Послалъ меня Марцеллъ. Сбирались
Отцы и старцы, совѣщались,
И повѣстить велитъ Марцеллъ,
Чтобъ завтра—кесарь повелѣлъ —
Всѣ христіане появились
Къ властямъ, и имъ прочтутъ декретъ,
Чтобъ всѣ, какъ Богу, поклонились
Статуѣ кесаря; а нѣтъ —
То — смерть.

СТАРИКЪ.

Что жъ старцы положили?

ЖЕНЩИНА.

Всю ночь молитва, а чѣмъ свѣтъ,
Чтобъ, всякій за себя, рѣшили
Идти на муки или нѣтъ.

ЮНОША (восторженно).

Всѣ, всѣ пойдемъ! (къ старику:) Твое видѣнье!

СТАРИКЪ.

Молитесь!... Будь благословенъ,
Тебѣ, Господь нашъ въ небесахъ,
Что вспомнилъ о своихъ рабахъ,
И всѣхъ зовешь насъ къ жизни вѣчной
Изъ муки временной, конечной!
Дай чаши намъ Твоей испить,
И понести Твой крестъ съ Тобою!
Дай пострадать намъ смертию злою,
Чтобъ славу въ насъ Твою явить!

ЮНОША.

Аминь!...

ЖЕНЩИНА.

Теперь, отецъ, прости!
Иду къ другимъ.

СТАРИКЪ.

Всѣмъ повѣсти!

ЮНОША.

Ужъ завтра встрѣтимся быть можетъ
При гласахъ трубныхъ!... день суда!

ЖЕНЩИНА (дѣлаетъ нѣсколько шаговъ,
и останавливается).

Сердца ихъ радуются... Да!...
Но душу мнѣ еще тревожить
Обѣтъ, несовершенный мной!...

(оглядываясь на дворецъ Деція).

О, Децій, Децій!... Боже мой!
Ужель и въ мигъ, когда надъ бездной
Теперь стоитъ онъ,—Ты ему
Не бросишь лучъ свой съ тверди звѣдной
Во всю имъ пройденную тьму!
(уходитъ.)

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Комната въ термахъ. ДЕЦІЙ, богатый римскій патрицій, отдыхаетъ послѣ бани, окруженный кліентами. Вдали, у выходной арки, толпа рабовъ. ЮВЕНАЛЪ, молодой человѣкъ, заглянувъ въ комнату, поспѣшно входитъ.

ЮВЕНАЛЪ.

Ахъ, Децій! на одно мгновеніе!

(По знаку Деція, кліенты и рабы удаляются).

ЮВЕНАЛЪ.

Ужели правда?

ДЕЦІЙ.

Жаль одно!

Задумалъ я уже давно,
 Да отлагалъ все исполненъе,
 И кесарю доставилъ честь
 Напомнить! вотъ что мнѣ обидно!
 Я знаю: стоитъ произнести
 Мнѣ только слово—съ тѣмъ безстыдный
 И назвался ко мнѣ евнухъ
 Миртиллъ на ужинъ: обнимаетъ,
 И ластится, какъ нѣжный другъ,
 На всѣ лады мнѣ намекаетъ,
 Скажи, молъ, слово,—и тотчасъ
 Все позабыто!—но ужъ насъ
 Врасплохъ, надѣюсь, не застанетъ!

ЮВЕНАЛЪ.

Ужель вся буря отъ того,
 Что декламаціей его
 Ты не былъ тронутъ?

ДЕЦІЙ.

Какъ кто взглянетъ!

Ему, на чтеньи, три лица
 Своимъ присутствіемъ ужъ въ залѣ —
 Помпоній, Руфъ и я—мѣшали,
 И крикнулъ онъ: „Три мертвеца!“
 И вышелъ, въ насъ швырнувши свитою....
 Что жъ? Слово кесаря—законъ!
 Въ немъ—Римъ!... Я тутъ же на прощанье
 На пиръ все пригласилъ собранье...
 Но тотчасъ спохватился онъ:
 Отъ казней, отъ убійствъ и пытокъ
 Римъ отдохнуть успѣлъ едва;
 Вездѣ читаются слова
 Предсмертныя Сенеки; шопотъ
 Еще идетъ, какъ умиралъ
 Пизонъ и Люцій, даже ропотъ.
 Въ преторіанцахъ пробѣжалъ,—
 И къ намъ клеврета за клевретомъ
 Онъ шлетъ съ намекомъ иль совѣтомъ.
 Руфъ и Помпоній, передъ нимъ

Тѣ извинились; мы—молчимъ...
Весь анекдотъ, пожалуй, въ этомъ.

ЮВЕНАЛЪ.

• Въ какое время мы живемъ!...
И жизнь, и смерть—всему значенье,
Цѣна утрачена всему!

ДЕЦІЙ (равнодушно, полушутливо).

• Что значитъ жизнь? Изъ тьмы и въ тьму
Промчался мотылекъ, мгновенье
Блеснувъ на солнцѣ!... Человѣкъ,
Самъ по себѣ, что значитъ въ мірѣ?
Кому онъ нуженъ? Конченъ вѣкъ,
И за приборъ его на пирѣ
Другой садится... (вдругъ одушевляясь) Но для насъ,
Для старыхъ римлянъ, для фамилій,
Которыхъ съ Римомъ жизнь слилась,
Которыхъ предки Риму были
Отцами, и которыхъ духъ
Изъ рода въ родъ передавался
И держитъ Римъ,—ужь то нейдетъ
Сравненіе!... Въ Римъ теперь собрался
Со всей вселенной всякій сбродъ;
Въ курульныхъ креслахъ воссѣдаютъ
Чуть не вчерашніе рабы,
И грязнымъ пальцемъ наклоняютъ,
Куда хотятъ, вѣсы судьбы...
Отъ этой сволочи презрѣнной
Мы устранились, и смиренно
Живемъ въ провинціяхъ, въ поляхъ;
На Римъ, пока онъ въ ихъ рукахъ,
Глядимъ извнѣ, какъ чужестранцы,
Или какъ трезвые спартанцы
На перепившихся рабовъ...
Мы ждемъ; и наша вся забота
Лишь въ томъ, чтобъ старый духъ отцовъ
Являлся требовать отчета
Въ палаты бесарей порой;
Чтобъ у поруганнаго трона
Онъ появлялся судіей,
Грозящимъ призракомъ Катона,—
А этотъ призракъ всякій разъ

Встаетъ, во всѣ дома стучится,—
Лишь только новое свершится
Самоубійство между насъ!

ЮВЕНАЛЪ.

«Самоубійство! мечъ, отравя!
И въ этомъ—лучшихъ изъ мужей
Теперь величіе и слава!
Что жъ съ бѣдной музою своей
Поэтъ тутъ сдѣлаетъ?... Не знаешь,
На чемъ стоишь! почти теряешь
Ужъ и понятіе о томъ,
Что называть добромъ и зломъ!

ДЕЦІЙ.

Да, жаль мнѣ васъ!... На вашу лиру
Изъ міра нечему пахнуть,
Чтобы аккордомъ звучнымъ міру
Ей отозваться какъ нибудъ!...
У дикихъ скифовъ и тевтоновъ
Видалъ ночные я пиры:
Среди глухихъ, лѣсныхъ притоновъ,
Зажгутъ они свои костры,
Въ кругу усядутся въ долины
И пьютъ меды, а посрединѣ
Поетъ пѣвецъ. Напѣвъ ихъ дикъ,
Для насъ, пожалуй, непріятенъ—
Но какъ могучъ простой языкъ!
Какъ жестъ торжественъ и понятенъ!
И кто тамъ больше былъ поэтъ,
Пѣвецъ иль слушатели сами,—
Но эта ночь, въ лѣсу, съ кострами,
И между листьевъ лунный свѣтъ,
И въ лихорадочной тревогѣ
Кругомъ косматый этотъ людъ,
Все,—даже самые ихъ боги,
Что въ вихряхъ мчатся, тоже тутъ,
Съ высотъ внимаютъ,—все дышало
Въ тѣхъ пѣсняхъ пламенныхъ.... Но въ нихъ
Пѣвецъ вливалъ въ свой звучный стихъ
То, что толпа ему давала...
А вы? куда васъ повлекутъ,
И что вамъ слушатели скажутъ?

Какія цѣли вамъ укажутъ,
И въ ваши пѣсни что вольютъ?

ЮВЕНАЛЪ

И Римъ такой же былъ когда-то!
Такая жъ пѣснь и въ немъ жила!
Онъ пѣлъ Виргинію! дѣла
Коріолана, Цинцинната!...
О, Децій! нѣтъ! съ собой самимъ,
Съ тобой, къ чему мнѣ лицемѣрить?
Но я—почти не вѣрю въ Римъ!

ДЕЦІЙ.

Кто вѣритъ въ разумъ, тотъ не вѣритъ
Не можетъ въ Римъ!... Аѳины: въ нихъ
Искусства намъ явилось солнце;
Ихъ геній въ юномъ Македонцѣ
Протекъ между племёнъ земныхъ,
Съ мечемъ неся рѣзецъ и лиру.
Римъ все собой объединилъ,
Какъ въ человѣкѣ разумъ; міру
Законы далъ и все скрѣпилъ:
Находятъ временныя тучи—
Но разумъ бодрствуетъ, могучій
Не никнетъ духъ... И сядь на тронъ
Философъ—съ трона свѣтъ полбѣдетъ,
И будетъ кесаревъ законъ—
Закономъ разума. Вернется
Златой, быть можетъ, вѣкъ. Твой даръ—
Сатира. Помни жъ, что сатира—
Дочь разума. Ея ударъ
Разитъ передъ глазами міра.
Чтобъ міръ призналъ твои права,
Ты долженъ самъ стоять высоко:
Стрѣла тогда лишь бьетъ далеко,
Когда здорова тетива.—
Вотъ что тебѣ я на прощанье
Сказать могу!....

(По знаку Деція, рабы и кліенты къ
нему подходятъ и надѣваются на него
верхнюю тогу.)

ЮВЕНАЛЪ (въ раздумьи).

.....Ужасное сознанье!
Въ чемъ, гдѣ же эта высота?
Въ душѣ кипитъ негодованье,
Подъ нимъ же... боги!.. пустота!

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Пиршественная зала на терассѣ Деціева дворца, выходящей въ садъ аркой. Ночь. Зала освѣщена канделябрами и висѣщими свѣтильниками. Три длинныя стола съ ложами. Гости одни возлежатъ, другіе прогуливаются по залѣ и опять садятся на свои мѣста; вообще свободно группируются, сообразно требованіямъ минуты, За однимъ столомъ Децій. Рабы приносятъ и уносятъ кушанья. Хоръ пѣвицъ, флейти и лиры. Танцовщицы.

ХОРЪ.

Ловите, ловите
Часы наслажденья!
Спѣшите, спѣшите
Пожить хоть мгновенье!
Какъ мошки на солнцѣ
Въ эфирѣ роями
Кружатся и блещутъ,
Мы, Оры, блистаемъ
Мгновеніе въ мірѣ, —
Ловите, ловите,
Не то—улетимъ.

(Танцовщицы удаляются).

КЛАВДІЙ (молодой патрицій вслѣдъ танцовщицамъ, мимо его проскользнувшимъ).

Еще поймаетъ!... Но пока
„Тѣмъ насладись, что подъ руками“—
Насъ учить мудрость. А предъ нами—(указывая на яства)
Рогъ изобилья и рѣка
Забвенья! все естествознанье!
Я шелъ сюда на обонянье.
Одни ужъ запахи кричатъ
Тебѣ за милю: „здѣсь, прохожій!“